

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/17/14

ГИДРОПОЭТИКА АЛТАЯ: РЕКИ

Татьяна Александровна Богумил

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия, tbogumil@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению водной сферы алтайского текста (за исключением озер). Методология исследования опирается на труды о локальных сверхтекстах представителей тартуско-московской школы, а также приверженцев геокультурного и геопозитического подхода. Выявлен круг мотивов и образов, базирующихся на реальных качествах исследуемого объекта, на культурной традиции и на архетипических основаниях. Территориальная прикреплённость преимущественно универсальных смыслов осуществляется благодаря топонимическим маркерам.

Ключевые слова: Обь, Катунь, Бия, геопозитика, мифогеография, алтайский текст, мифологема, образ реки, хронотоп переправы

Для цитирования: Богумил Т.А. Гидропозитика Алтай: реки // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 287–315. doi: 10.17223/24099554/17/14

Original article
doi: 10.17223/24099554/17/14

ALTAI HYDROPOETICS: RIVERS

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, tbogumil@mail.ru

Abstract. The article explores the water sphere of the Altai text (with the exception of lakes). The research methodology is based on works on local supertexts by representatives of the Tartu-Moscow school, as well as adherents

of the geocultural and geopoetic approach. A range of motifs and images based on the real qualities of the object under study, on cultural tradition, and on archetypal foundations is revealed. The Katun and the Biya differ in their origin, color of water, specific flow, and sound. In a work of fiction, all the real characteristics of these and other Altai rivers often underlie the metaphor of personification. The formation of one of the main rivers of Siberia, the Ob, by the confluence of the Katun and the Biya, is reflected in literature through a visual image – the color difference between two rivers in the channel of the third, and an anthropomorphic image – the union / conflict of a man and a woman, two women. Chuyskiy Trakt is an analogue of the Chuya and the Katun. The white color of the mountain rivers is identified with milk and gray hair, giving rise to zoomorphic and anthropomorphic metaphors. The noise of the mountain rivers is interpreted as the cry of the beast, crying and speech, including artistic and human ones. The flow of water is associated with the passage of time, a turbulent current with a difficult historical moment, the immutability of the flow with eternity. Especially frequent is the chronotope of a river crossing associated with a crisis moment in the life of a person and/or society. Metonymic substitutions of a river and a crossing according to the pars pro toto principle, and vice versa, are based on a borderline – a feature common for them. The border concentrates around itself plots related to the implementation/impossibility of contact, changes. Therefore, not only the crossing of the river, but also the path along the river is accompanied by corresponding events. Swimming in the river is endowed with adventurous, epistemological, aesthetic functions. Rivers allow differentiating space and navigating in it. Small rivers are usually associated with the concepts of homeland and childhood. The noted semantics are universal for the most part. The territorial attachment of these meanings arises due to toponymic markers.

Keywords: Ob, Katun, Biya, geopoetics, mythogeography, Altai text, mythologem, image of river, chronotope of river crossing

For citation: Bogumil, T.A. (2022) Altai Hydropoetics: Rivers. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 17. pp. 287–315. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/17/14

Изучение локальных свертхтекстов¹ принадлежит к области актуальных научных исследований, начиная с пионерских работ Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, по сей день. Смеем предположить,

¹ Под свертхтекстом понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию (Здесь – Алтай. – Т.Б.), образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [1].

что данная методология будет востребована как минимум до того момента, пока не исчерпается запас неописанных территориальных объектов. Алтайский текст, несмотря на солидный срок изучения – без малого два десятилетия, еще не охарактеризован с должной степенью полноты и системности. Говоря о природе Алтая, можно упорядочить информацию по тематическим блокам: вода, рельеф, флора, фауна. В настоящей статье интерес сосредоточен на водной составляющей алтайского природного комплекса, в частности на реках, ручьях и водопадах (озера – объект отдельного исследования). Естественно, изучению подлежат не реальные гидрообъекты, а литературная традиция их описания, метафоризации и мифологизации – традиция семиотического освоения пространства культурой.

Термин «гидропоэтика» создан по модели понятия «геопоэтика», отчасти конкурирующего с понятием «локальный текст». По мнению В.В. Абашева, текст «фиксирует прежде всего структуру творчески преобразованного пространства», тогда как поэтика «обращает нас к его образно-символической фактуре» [2. С. 15]. То обстоятельство, что мы выделяем в алтайском тексте один образно-тематический код – акватический, делает более предпочтительным использование термина «гидропоэтика», т.е. раздел поэтики, изучающий образы воды и водного в локальном сверткесте. Цель настоящей статьи состоит в исследовании поэтики воды в семиотическом пространстве, сформированном вокруг Алтая художественными (преимущественно) текстами русскоязычных авторов. Под Алтаем здесь понимаются территории современного Алтайского края и Горного Алтая в противоречивом единстве степного и горного ландшафтов.

Связь пространства и слова о нем наиболее внятно проявляется в описании местных реалий, использовании топонимов, обращении к региональному фольклору. Коллективная монография «Реки и народы Сибири» [3] содержит обобщающую главу Л.Р. Павлинской «Реки Сибири» и работу Н.А. Тадиной «Река как образ Родины у алтайцев», написанную по полевым фольклорно-этнографическим материалам с целью освещения проблемы воздействия речного ландшафта на становление этнического менталитета. Помимо историко-антропологических трудов существует лингвистическое исследование Л.М. Дмитриевой, результирующее ассоциативный эксперимент по выявлению значений гидронимов 'Катунь', 'Бия', 'Обь' в картине

мира жителей Алтая [4]. Частные литературоведческие наблюдения по мифопоэтике главных алтайских рек в произведениях П.Я. Гордиенко, Г.И. Чорос-Гуркина, С.П. Залыгина сделаны И.А. Бедаревой [5; 6. С. 121–139]. Первая обзорная статья (затем главы монографии), посвященная образам Катуня и Бии, в ряде произведений предпринята Е.А. Худенко [7; 8. С. 11–23]. В идеале описание водной сферы алтайского свертхтекста предполагает обращение ко всему корпусу художественных и нехудожественных текстов на заданную тему. Практически это задача нереализуема, по крайней мере на данном этапе. Поэтому в рамках предпринятого исследования материалом изучения стали все произведения, составившие пятитомную антологию «Образ Алтая в русской литературе» (2012) [9]¹, а также некоторые источники, не вошедшие в это собрание, но весьма показательные для акватического ракурса изучения алтайского свертхтекста.

У реки: цвет и звук

Алтай – страна сотен озер, рек, ледников. Главная водная артерия Алтайского края, Обь, образуется слиянием двух крупнейших рек Горного Алтая – Бии и Катуня. Народная этимология устанавливает в названии Оби семантику двойственности (= ‘обе’)² [4. С. 82], что психологически оправданно различным цветом воды в истоке реки. Визуально впечатляющие картины двухцветного течения в начале Оби вошли в арсенал алтайской топики:

Достоверное наблюдение Г.Н. Потанина из очерка «Полгода на Алтае» (1859): «...в первой вода светлая и темная, а последней мутная и беловатая; воды этих двух рек, соединившись в одном ложе, сохраняют это различие цвета на расстоянии четырех, пяти верст...» (Т. 1. С. 83).

Основанная на мифологии алтайцев дневниковая запись В.В. Радлова: «Открывался новый вид на могучий поток Бии и при-

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

² Гидроним ‘Обь’ объясняется из коми как ‘снежный занос; завал, обильно выпавший снег’ [10. С. 416–417]. В науке долгое время удерживалось ошибочное толкование названий рек Бия, Катунь и Обь в значении ‘река’, ‘вода’ [10. С. 417; 11. С. 159, 216].

ближающуюся к своему супругу Катуню <...> теперь они продолжают путь уже вместе, но девичий стыд еще не позволяет ей слиться с ним, и отчетливо видно, как обе текут, не сливаясь, в одном русле, справа – река Бия с ее светлыми, прозрачными водами, слева – беловатожелтая Катуня» [12. С. 17].

Поэтическое обыгрывание факта в стихотворном цикле П.А. Казанского «Рождение Оби» (1914): «И долго рядом в ней видна / Катунь мутная вода / С волною светлой и холодной» (Т. 2. С. 356).

Катунь и Бия часто противопоставляются и вне русла Оби.

С.П. Залыгин, роман «Тропы Алтая» (1959–1961): «Крутые, нестройно поющие волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый, тальниковый берег той стороны, клочья пены, мутные пятна в зеленой глубине – все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией – та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток свой. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен» (Т. 4. С. 31).

Разный цвет воды объясняется тем, что Бия вытекает из прозрачного Телецкого озера, тогда как изначально бирюзовая Катунь постепенно мутнеет из-за своих притоков – ледниковых рек, которые несут мельчайшие частицы горных пород. Об этом писал, к примеру, Н.М. Ядринцев в очерке «В дальних странствиях (Из путешествия в Алтай)» (1893): «Это была речка Кара-Кем¹, <...> она напоминала горный ручей и брала начало в вечных снегах гор. Цвет ее, как всех подобных речек <...> был синевато-белый, почти молочный. Это зависело от пород сланца, который они размывали, и, может быть, от перемолотых морен, так как среди этих вечных снегов, наверное, были и ледники» (Т. 1. С. 332).

Реки Горного Алтая благодаря своему происхождению – родниковому или ледниковому – разделяются на прозрачные «черные», у которых просвечивает каменистое темное дно, и мутные «белые». Мифологическим и мифопоэтическим сознанием цвет «белых» горных вод не просто сравнивается, но и отождествляется с молоком:

¹ Современное название – Карагем, приток р. Аргут, правый приток Катунь.

Историко-этнографический очерк Г.Д. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914): «...гора Белуха, родительница белых чудесных вод, таких белых и чистых, как те молочные <реки> с кисельными берегами, о которых рассказывают в сказках и которые уготованы в наследие только праведным» (Т. 2. С. 24). В романе В.В. Зазубрина «Горы» (1933) старик-алтаец рассказывает предание об утерянном рае: «В прежнее время на Алтае <...> [г]оры поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока»¹ (Т. 3. С. 54); раскольники переселяются на Алтай: «на молочные реки, на кисельные берега» (Т. 3. С. 42).

Белая пена горных рек и ручьев часто называется «седой» по признаку цвета (= с примесью белого), часто без учета признака возраста и опыта (= старость). В любом случае, седина – визуальное качество горных рек, входящее в топику алтайского текста. Например, в стихотворении «По Алтаю» (1914) А.С. Пиотровского р. Бухтарма «седою пеною гонима» (Т. 2. С. 364). Река может подвергаться анималистическому уподоблению, как в повести П.Г. Низового «В горах Алтая»: «Бурлит река. По гладким валунам торопливо скачут седые водяные зайцы. Они скачут без усталости вниз, в далекие долины, вон с той горы, где плещет водопад» (Т. 3. С. 222), «стадо белых водяных баранов» (Т. 3. С. 259). Специфический колер реки провоцирует и антропоморфную метафорику, для которой актуальны возрастные коннотации: «Молодая и седая, словно лунь, / По теснине пенится Катунь» (Т. 5. С. 207), – так начинается А.М. Родионов «Уймонскую быль» (1977). Гераклитова связь текучести реки с идеей изменчивости и времени [14] в случае с Катунью представлена амбивалентным сочетанием юности и старости: река меняется, но остается неизменной. Упразднение хода времени – это Вечность. Подобным образом, но посредством аудиальных, а не визуальных ассоциаций, река описана в более раннем стихотворении Н.М. Рубцова «Шумит Катунь» (1966). Благодаря архетипическому тождеству реки и речи [15. С. 375] шум «свиристой реки», ее немолчное «рыдание» и «свист» в созерца-

¹ Молоко – символ чистоты и святости у скотоводов Центральной Азии. В мифологии алтайцев небесный источник жизни и мировой центр – молочное озеро [13. С. 85–86].

тельном сосредоточении лирического субъекта оборачивается пением мифов о былых веках (Т. 4. С. 514).

Возможно, ассоциация Н.М. Рубцова восходит к циклу «Чуйские были» (1913) В.Я. Шишкова, обрамленному образом реки-сказительницы: «Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегоднешние были свои» (Т. 2. С. 317) и «Еще немного – и твои волны запойют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. Да не повторится прошлое, да не затмит оно грядущего дня» (Т. 2. С. 334). В стихотворении Н.М. Рубцова также кольцевая композиция: «слушал это шум» и «слышно, как шумит Катунь» (Т. 4. С. 514). «Конечность всякой человеческой истории и культуры, а также ограниченность (немота) природной цикличности противопоставляются у Рубцова вечному шуму реки Катунь» [8. С. 18], – пишет Е.А. Худенко. Связь вечного и конечного возможна благодаря памяти. Этим качеством лирический субъект наделяет Катунь, осуществляя мифотворческий перенос личного, субъективного, исторического на природное: «Катунь воспринимается как древнее творческое начало, хтоническая вечность, проявляющаяся в элегическом сознании лирического субъекта» [16. С. 88].

Стихотворение, написанное знаменитым вологодским поэтом, стало прецедентным для последующей традиции описания Катунь в региональной литературе. Так, в упомянутой выше поэме алтайского писателя народ «позабыл за давностью» историю заселения Уймонской долины, а река – «знает» и помнит (Т. 5. С. 207). В стихотворении «Катунь» современного бийского автора Г.С. Рябченко река «прекрасна в бешенстве своем», что можно было бы списать на объективные особенности ее течения. Однако педалируемая идея прошлого («древняя» тайга, «древние» кедры, «гранитный древний прах»), а также финальный аккорд «Катунь в наш день из прошлого течет, / а завтрашний уже встает над устьем» [17. С. 235] делают очевидным следы преемственности. «Неистовая» Катунь, будучи эмблематическим образом алтайского текста, стала знаком рубцовой Катунь, что в полной мере осознавал товарищ поэта Н.А. Черкасов: «...строку твою июнь / алтайским солнцем благостно осветит, / и окропит бессмертием Катунь» [17. С. 304].

Итак, Катунь и Бия отличаются своим происхождением, цветом воды, спецификой течения и звучания. В художественном произве-

дении все реальные характеристики этих и других алтайских рек часто лежат в основе метафоры олицетворения. Дополним примеры.

М.С. Бубеннов, рассказ «На Катунь» (1938): «Красавица Катунь – буйная река; она мечется по Алтаю, нигде не находя покоя, и то свирепо ревет, катая по дну камни-голыши, то стонет, вырываясь из ущелий, а вот здесь, на перекате, выложенном мелкой галькой, вся дрожит и неумолчно горюет» (Т. 3. С. 363); «...под обрывом плескалась Катунь – похоже было, что она осторожно ощупывает те места, по которым ей приходится прокладывать путь в темноте» (Т. 3. С. 366–367).

В.М. Шукшин, очерк «Село родное» (1966?): «Стоит оно (с. Сrostки. – Т.Б.) на берегу красавицы¹ Катунь. Катунь в этом месте вырвалась на волю из каменистых теснин Алтая, разбежалась на десятки протоков, прыгает, мечется в камнях, ревет... Потом, ниже, она несколько успокаивается, круто заворачивает на запад и несется дальше...» [18. Т. 9. С. 28]. У него же в предисловии к киноповести «Живет такой парень» (1975): «...есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвется из гор. А то вдруг присмирееет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река»² [18. Т. 1. С. 272].

В повести Ю.Я. Козлова «Белый Бом» (1978): «У подножия горы, весело журча, катилась с одной стороны речушка, с другой грозно ворчала Катунь» (Т. 5. С. 87).

В приведенной выше цитате С.П. Залыгина из романа «Тропы Алтая» И.А. Бедарева трактует изображение Катунь и Бии как «описание двух женщин, причем первая более привлекательна для героя,

¹ Это речевое клише многократно встречается на страницах исследуемой антологии. Помимо приведенных цитат М.С. Бубенного и В.М. Шукшина см. также тексты Г.Д. Гребенщикова (Т. 2. С. 18), В.В. Бахметева (Т. 2. С. 194). «Красавица Бия» появляется у В.Я. Шишкова (Т. 2. С. 297), П.Л. Драверта (Т. 2. С. 350). Обь обычно характеризуется определением «многоводная». См.: А.А. Черкасов (Т. 1. С. 426), Г.Д. Гребенщиков (Т. 2. С. 18), М.И. Юдалевича (Т. 5. С. 302).

² Катунь, будучи одним из ключевых образов мифогеографии В.М. Шукшина, уподоблена автором Чуйскому тракту (см. ниже и [8. С. 32–43]), Волгематушке [19. С. 34–39], типу «злой жены» [8. С. 21].

он отдает предпочтение именно ей, несмотря на “нестройность” и “неопрятность”» [5. С. 11].

Ср. в цикле В.Я. Шишкова «Чуйские были» (1913):

«Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река. Сначала степью течет она <...> Вся степь, во времена минувшие, до самых горных маковок была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро каменные витязи. <...> Но не удозорили, не усмотрели: обмануло их озеро, убаюкала их зыбун-волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула. <...> Широко волна хлещет, опрокидывает скалы, грохочет и стонет и мчится вдаль бешеным потоком. Это Чуя, рожденная в снегах, горами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе Алтайских гор» (Т. 2. С. 317). «Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крутому склону, вся седа, вся косматая, ярко камни точит, грозит своим гневом человеку» (Т. 2. С. 334).

Полагаем, именно этот текст В.Я. Шишкова задал топику описания горной реки Алтая в последующей литературной традиции.

Как река: человек, дорога, история

Литературная антропоморфность рек восходит к мифологическому анимизму¹, о чем, в частности, свидетельствует этимология гидронимов Катунь (алт. ‘госпожа’) и Бия (алт. ‘господин’) [11. С. 138–139, 215–217]. В легендах народов Горного Алтая и последующей словесной традиции немаловажную роль играет гендерная идентификация гидронима ‘Бия’/‘Бий’, основанная на очевидном для русского слуха различии «женского»/«мужского» окончания слова. В фольклорных [20] и этнографических источниках образование ре-

¹ Этот факт, конечно, не остался без внимания писателей. Так, в рассказе В.Я. Шишкова «На Бие» (1914) русский переселенец делится своими наблюдениями о «татарах»: «...у них, мотри, каждому ручейку, кажинной балочке прозвище дадено <...> любят земельку свою, всему название дают... Как в святцах... <...> Что видит, про то и поет: река – про реку, девка – про девку, орла высмотрит – про орла песня сложена...» (Т. 2. С. 300).

ки Обь толкуется как брачный союз (см. вышеприведенную цитату из дневника В.В. Радлова). В русской художественной литературе, напротив, преобладает «сестринская» трактовка: «...она (Катунь. – Т.Б.) встретит свою величавую сестрицу Бию и умрет, породив Обь» [18. Т. 9. С. 28]. Ср. также:

В романе Л.П. Блюммера «На Алтае» «светлые воды озера радостно несут холодные воды Чулышмана в ее родную сестру Бию...» (Т. 1. С. 188). «Сестрой Катунь» В.В. Бахметьев называет ее приток Коксу (Т. 2. С. 195). Матерински-дочерние отношения связывают Обь и Барнаулку в поэме Г.Н. Панова «У большой воды»: «Барнаулка к Оби спешила, / Как с повинной гулена-дочь» (Т. 5. С. 66).

В некоторых фольклорных источниках и ориентированных на локальную аутентичность литературных текстах направление русла и характер течения рек, образующих новую реку, мотивируются состязанием в беге.

Н.М. Ядринцев пересказывает легенду: «Направление течения Бии и Катунь объясняется тем, что женщина и мужчина хотели посоперничать, кто кого перебежит; Катунь пробовала перебежать Бию, тогда оскорбленный мужчина Бий пересек ей дорогу» [21. С. 21].

В.М. Бахметьев, рассказ «У последней воды» (1914): «Вот звонко-голосый Точуган, Тасын белогривый, Бачий неугомонный – три брата. Там, на синеющей горной маковке поспорили, кто первым к Чарышу прибежит. Бросились вперегонку с высот, забурили, запенились, подхватили родники попутные, ударили в камни, кедры с маху опрокинулись, а как вырвались на простор, в долину, друг от друга отпрянули, понатужились и – все враз в Чарыш¹» (Т. 2. С. 185).

Известно, что в древних культурах различных народов мира бег наперегонки входил в состав свадебных испытаний [22. С. 110–115], следовательно, приведенную Н.М. Ядринцевым легенду можно отнести к разряду брачных. Причем соревноваться могли не только невеста и жених, но и женихи-конкуренты, что рудиментарно наличествует во втором примере. Мифопоэтической зарисовкой состязания в беге В.М. Бахметьев начинает свой рассказ и заканчивает. Кольцевое строение – это отнюдь не возвращение к началу, а переход на

¹ Левый приток р. Обь. Третья по полноводности река Верхнеобского бассейна (после Катунь и Бии).

иной тип метафоризации. Аналогом соревнующихся рек становится своего рода конкуренция между потенциальными спасителями алтай-кижи от социального угнетения. Несостоятельны «ни новый бог Бурхан, ни сказочный Ойрот-хан» (Т. 2. С. 221). Лишь рассказчик, «вестовой революции», мыслится «богаче солнца, сильнее всех богатырей, каких когда-либо знал Алтай», ибо его слово пропаганды подобно реке: «...оно бежит из аула в аул быстрее коня, проворнее рыси, оно неистребимо!..» (Т. 2. С. 221).

Кстати, уподобление скорости течения реки и ритмичного колебательного движения волн бегу коня входит в круг типичных аква-метафор и мифологем, примером чему могут служить стихотворения Г.А. Вяткина «Катунь» (1917) (Т. 2. С. 339), Ю.И. Жильцова «Голубая Катунь» [23]¹. На Алтае эта в принципе универсальная традиция восходит к мифологии и фольклору тюркских кочевников, населявших территории региона [8. С. 15, 17].

Начиная с цикла В.Я. Шишкова «Чуйские были» устанавливается эквивалентность реки и Чуйского тракта², который идет вдоль р. Чуи (отсюда название), а затем, когда Чуя впадает в Катунь, вдоль последней. Если у В.Я. Шишкова тракт соотносится с Чуей, то у В.М. Шукшина – с Катунью: «Есть на Алтае тракт – Чуйский. <...> И еще есть река на Алтае – Катунь. <...> И вот несутся они в горах рядом – река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это – влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе...» [18. Т. 1. С. 272].

В повести В.С. Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему» (1973) продолжается шишковская и шукшинская аналогия. Мать увозит сына на лечение в туберкулезный санаторий в Чемале: «И повезла я тебя по Чуйскому тракту... А он ведь аж чет-те куда ведет, аж в самую Монголию. <...> А кругом горы, а кругом леса, а внизу, в пропасти жуткой, Катунь шумит – холодная, быстрая, гремучая... Заверти на ней сумасшедшие, пороги страшные. А мне казалось,

¹ Ср. также подобие отрицательного параллелизма в повести П.Г. Низового «В горах Алтая»: «...кони теперь не нужны: перед ними была широкая бурная река» (Т. 3. С. 257).

² См. подробнее нашу главу о Чуйском тракте в: [8. С. 32–43].

да и на самом деле так оно и было, – не снегом талым и родниками, а слезами моими родилась и жила Катунь-река... и над ней дорога – высоко, круто петляет, кружит... и все дальше, все выше. Сколько машин и шоферов нашли свой приют в ней, в реке Катунь! Закружит тракт, завертит, затуманит... А Катунь тут как тут – встречает всех, поддавливает... Как две сестрицы-змеюки, этот тракт и Катунь... стерегут... одна ведет, другая заглатывает...» (Т. 5. С. 195).

Лечение растянулось на три года. Навешать ребенка мать могла только осенью. Авторизованный рассказчик подхватывает образ В.Я. Шишкова («Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников» (Т. 2. С. 317)), но перекодирует его из социально-обличительного в интимно-личный план: «...глубже Катунь стала от слез твоих (материнских. – Т.Б.)» (Т. 5. С. 195).

Продолжение социально-исторической темы В.Я. Шишкова можно усмотреть в повести П.Г. Низового «В горах Алтая» (1925) о Гражданской войне, где «слезный тракт» становится «кровавым потоком» (Т. 3. С. 266). Ужасающую наглядность это образ получает в повести Ю.Я. Козлова «Белый Бом» о тех же исторических событиях 1918–1922 гг. Красноармейцы попали в засаду на Чуйском тракте у Белого Бомы, что на р. Чуя: «Справа, где река, такие полосы, будто проборожено... Туда их волокли с сбрасывали... Мертвых и раненых... При виде тех полос леденела кровь...» (Т. 5. С. 161). Автор устанавливает преемственность по отношению к «Чуйским былям» В.Я. Шишкова при помощи эпиграфа (Т. 5. С. 71).

В повести Ю.Я. Козлова психологическое состояние алтайца, оказавшегося в эпицентре истории, описывается следующей водной метафорой:

«А вокруг развивались какие-то большие события. Отголоски их касались ушей Сопока, и тогда перед глазами возникал речной водоворот, пожирающий все, что попадает в него.

Он не умел плавать, как и большинство его соплеменников, боялся быстрой воды и сходство событий с водоворотом вызывала в нем робость и даже страх» (Т. 5. С. 83).

«Волнами катятся туда-сюда по горам слухи о победах красных, о поражениях красных» (Т. 5. С. 85). В какой-то момент Сопок, наследник романтического типажа наивного и чистого сердцем ту-

земца, понимает, что придется делать выбор: «Нельзя выплыть и остаться живым, держась все время середины реки» (Т. 5. С. 115). У человека, близкого природе, рефлексия выражается при помощи водной образности: «Последнее время и день и ночь перемешались в его голове, как вода двух быстрых рек» (Т. 5. С. 139); «Мой разум мутен, как реки после дождя» (Т. 5. С. 154). Понимая, что совершил невольное предательство по отношению к симпатичным красноармейцам, герой ощущает, что мир рушится: «Зашатался в седле Сопок. Горы зашатались. Чужа качнулась, едва не выплеснувшись из русла» (Т. 5. С. 125). В итоге решение принимается интуитивно, по велению души. Не потому, что политика красных более приемлема, а потому что люди они хорошие. Естественность выбора в пользу красных загодя иллюстрируется пейзажной сценкой:

«Бочком, бочком он спустился под берег речки. Быстрая вода была прозрачной и студеной. На глубине едва ли выше щиколотки ногами против течения дремали почти на поверхности три небольших хариуса. Широкие плавники шевелились вслед чистым струям.

Сопок затаился. Глупые рыбы! Ручей не заменит вам реку, откуда вы вышли, дождевые потоки закидают коричневой грязью, зима закует в ледяной плен, весной птицы растащат ваши остатки.

– Глупые-неразумные... Чего ищите вы в стороне от остального рыбьего рода-племени?» (Т. 5. С. 88)

Понятно, что для советского писателя генеральная «река» – социалистическая. Сопок, бедный представитель угнетаемого народа, отбил было от остального «рода-племени», связавшись с врагами революции. Но, подобно тому, как он сам направил рыбу обратно в реку, кидая камушки, позднее обстрел красноармейцев, попавших в засаду, отвратил его от белых и алтайской элиты. Раньше он был «за себя» (Т. 5. С. 111), теперь – за своих друзей-красных.

Использование акваметафоры для обозначения сложного исторического периода имеет давнюю традицию. В алтайском сверхтексте одним из первых в этом ключе высказался В.М. Бахметьев. Название рассказа «У последней воды» (1914) географически означает смещение ареала обитания алтай-кижи от исконных расселений в долинах рек к малопригодным для существования местам, что вызвано агрессивной стратегией русских: «Заняли чужаки по рекам Чарышу, Коксе, Катунь, Чуе плодородные земли, воздвигли

деревни, обнесли тыном берега ключей, завели в садах маралов, скот тысячеголовыми табунами начали водить, хлеба сеять, новину подымать <...> На речных берегах, как огромные сытые пауки, лежат уймонские деревни, а вокруг, подобно паучьим щупальцам, раскинулись заимки» (Т. 2. С. 194). Старик-алтаец жалуется: «...поконь века на Чарыш, Кокса, Каунь обитал алтай-кижи... Нынче к шишам гонят, в горы, де камень, снега... Ручей нет, вода – грязь, скот дохнет, балам – дитя голодну слезу льет... У последней воды народ!» (Т. 2. С. 203).

Метафорическое значение «последней воды» – предел терпению алтайского народа. Но и не только алтайского, а всех социально обиженных: «Не миллионы ли нас, угнетенных?» (Т. 2. С. 203); «Я рассказал ему о русских нищих крестьянах, стоящих, как и алтайский народ, у последней воды» (Т. 2. С. 207).

Революционный аналог водной стихии особенно явлен в так называемом бурном пейзаже [24. С. 146–148]. Например, в очерке А.С. Новикова-Прибоя «Поезд № 204», написанном по впечатлениям от поездки за хлебом зимой-весной 1918 г. из Москвы в Барнаул, ледоход на Оби есть аллегория революции:

«Мимо по реке плыли отпечатанные на льду унавоженные дороги, застигнутые разливом брёвна и дрова. Попадались оторванные от берега целые деревья, корни которых, выныривая из-под льда, ворочались, как живые чудовища. Изредка на льдинах, как на плотках, несло лесную избушку или зазевавшегося зайца. <...> Навалившиеся друг на друга льдины как бы зычно заспорили между собой, протискиваясь вперёд, и с треском, похожим на взрыв, тяжёлой грудой облаков рухнули в порывистые мутные волны.

– Революция! – воскликнул Макс, глядя на ледяной разлом»¹ (Т. 3. С. 418–419).

В романе В.Я. Зазубрина «Горы» (1933), посвященном коллективизации на Алтае, кулак Андрон сетует, имея в виду текущий исторический момент: «Не век же, поди, река дурить будет, чертомелить, корежить все?» (Т. 3. С. 70).

¹ Согласно комментариям А.И. Куляпина к очерку, истолкование ледохода как метафоры революции принадлежит И.В. Сталину (статья «Тронулись!.. от апреля 1912 г.») (Т. 3. С. 452).

Если в советской литературе преобладал пафос воспевания водной/революционной стихии, сметающей старые устои (осуждающие интенции приписывались классово чуждому элементу), то в перестроечное время данная метафорика приобрела радикально иную оценку. Так, в рассказе известного на Алтае писателя В.Б. Свинцова «Умирает речка...» (1988) через историю реки показана история деревни и деда Вихтора. Раньше, до революции, кержаки жили по крепким устоям. Ленивого пастуха Квашу, поившего коров где попало, а не в положенном месте ниже реки, мужики жестоко избили: «Гадить в реку – грех немислимый. Потому как река и поилица и кормилица» [25. С. 285]. С революцией же нерадивый пастух стал рьяным агитатором за коммуны. Масштаб постигшего деревню и страну бедствия нагляден при помощи образа плотины: «– Последний раз предупреждаю – прекратить контрреволюционные разговорчики! – закричал Кваша и выстрелил в воздух. И, словно дожидаясь этого сигнала, хлестнула струя воды через плотину. <...> Струя на глазах делалась мощнее, бурливее и вот уже плотина словно раскололась надвое. Огромная масса воды рухнула вниз, и вместе с нею плотина. Такой напор не удержали другие плотины – ниже по реке» [25. С. 288].

Итог бездумного хозяйствования при коммунистах – обмеление реки, разрушение деревни – ничтожен в масштабах страны, но символичен. Недаром речка безымянная, стало быть – любая. Историческая катастрофа осмыслена автором посредством экологического неблагополучия.

Итак, существенный пласт алтайской гидропоэтики составляет образность, различным образом осваивающая категорию времени: вечность, течение субъективного и исторического времени, кризисный момент, etc.

Через реку: кризис и преобразование

Типичный речной хронотоп, связанный с решающим внешним и/или внутренним событием в жизни человека/общества, – это переправа. В случае со стремительными горными реками она наделена повышенной опасностью. В очерке Н.М. Ядринцева «В дальних странствиях (Из путешествия в Алтай)» (1893) к переправе приурочивается изменение отношения рассказчика к чуждому ему этносу.

Исследователь встречается на диком берегу р. Аргут инородца, боится его, готов застрелить. В итоге, после долгих сомнений и страхов, оказывается, что инородец не представлял опасности, напротив, он вывел русского к переправе и помог перебраться через бушующую реку. Агрессивно настроенный рассказчик прозревает: «...я понял, что этот человек вовсе не был врагом, и мне стало ужасно стыдно за себя» (Т. 1. С. 340), «Меня охватил ужас при воспоминании, что я мог убить и чуть не убил человека совершенно мирного...» (Т. 1. С. 341). Очерк заканчивается моралью о том, что предубеждение русских об инородцах ведет к греху: «...мы не раз стреляли в дружескую грудь» (Т. 1. С. 342).

В дальнейшем модель «недоверие – переправа – раскаяние» стала весьма продуктивной для алтайского текста¹. К примеру, в рассказе В.В. Бианки «Она» (1944) есть три переправы: две реальные и одна метафорическая. Начинается сюжет по-сказочному, с запрета девушки-ойротки: «Не ходи», – говорит она рассказчику, собравшемуся вернуться на предыдущую стоянку экспедиции за забытой сумкой. Примечательно, что роль девушки в экспедиции – проводник. Чтобы понять подтекст ее вполне реальной должности, важно обратить внимание на портрет «каменной девы»: она сидит у реки на большом камне, «[с]емь длинных мелко заплетенных кос узкими змейками сбегали с ее плеч на грудь» (Т. 3. С. 396). Созданная с оглядкой на Хозяйку гор алтайского и уральского фольклора [8. С. 120–121], ойротка причастна не только камню, но и водной стихии, на что намекает ее положение в пространстве и прическа. Отождествление реки со змеей, мотивированное изоморфизмом извилистого движения змеи и русла реки, является одним из самых архаичных и распространенных в мировой культуре². В мифологии си-

¹ Сюжеты с хроном переправы имеют зону пересечения с инвариантной для алтайского текста сюжетной схемой, сформулированной А.И. Куляпиным: «Ученый, от лица которого ведется рассказ, в ходе научной экспедиции на Алтай вступает в контакт с представителем коренного народа. Возникающий во время общения когнитивный диссонанс приводит в конечном счете к радикальным изменениям мировоззрения героя-рассказчика». По такому алгоритму построен и рассказ И.А. Ефремова «Озеро Горных Духов» (1944) [8. С. 116–117].

² В исследуемой антологии встречаем, например, у В.М. Бахметьева: «...бежит, вьется по той долине, как огромная змея, земно-зеленая Кокса» (Т. 2.

бирских аборигенов имеется сюжет о происхождении рек из следа, протертого телом змея [3. С. 40–41], змея выступает Хозяйкой реки [3. С. 153]. Сакральное число семь постоянно используется при описании мировой реки в мифах и фольклоре сибирских автохтонов¹ [3. С. 47, 52]. Водная стихия Алтая благоволит юному рассказчику. Он успешно переправляется, во-первых, через р. Чарыш и, во-вторых, через ее приток р. Коргон, несмотря на нарастающую угрозу для жизни: «Переправа была небезопасна...» (Т. 3. С. 398); «Брод здесь серьезный: сильный поток тащит по дну “булки” – камни, обточенные водой и трением о грунт. Может ударить “булкой” коня по ногам. А стоит коню оступиться – стремнина подхватит его, закрутит вместе с всадником и выкинет два размозженных о камни труп в глубокий Чарыш» (Т. 3. С. 399). Третья «переправа», как это принято в фольклоре, – решающая. Сумка чудесным образом преодолела пространство и оказалась рядом с рассказчиком, не менее чудесно избежавшим гибели от урагана-фемины²: «Я уцелел. Но не один ли во всей вселенной <...>? А других всех людей “Она” могла уничтожить...» (Т. 3. С. 401). Природный катаклизм, связанный с разницей атмосферного давления по разные стороны белков и, так сказать, «переправой» воздуха через хребет, изменил мировоззрение молодого ученого. То, что «вещая» девушка-ойротка предсказала неведомое премудрому гидрометеорологу, избавило рассказчика от снобистского высокомерия интеллектуала, вернуло способность удивляться и восхищаться непознаваемым.

Примеры решающих событий на переправе в алтайском тексте многочисленны, представлен широкий диапазон типовых вариантов, сложившихся в культуре применительно к данному хронотопу. Так, на переправе через р. Иня герой повести Ю.Я. Козлова «Белый Бом», алтаец Сопок, пристает к отряду красноармейцев (Т. 5. С. 95), что

С. 195); у В.С. Золотухина «сестрицы-змеюки» Катунь и Чуйский тракт (Т. 5. С. 195). В стихотворении Г.А. Вяткина «Змея» животное и водопад связаны не метафорой, а метонимией: змея сверху очарованно наблюдает за струями падающей воды (Т. 2. С. 340).

¹ См. также фрагмент песни шамана из повести П.Г. Низового «В горах Алтая» (1925): «Живущий при устье семи рек, богатый Эрлик...» (Т. 3. С. 243).

² Ср. с современной американской традицией именовать ураганы женским именем.

впоследствии в корне меняет его политические пристрастия. Переправа через р. Чую спасла красноармейцев от засады и расстрела у Белого Боба. В рассказе М.С. Бубеннова «На Катунь» парнишка переплывает жгучую от холода «буйную» реку, чтобы примкнуть к партизанскому отряду и отомстить белым за смерть отца (Т. 3. С. 365). Отметив смешение реальных топографических примет различных территорий Алтая в художественном локусе, Е.А. Худенко резюмирует: «...“сконструированность” пространства и намеренные топографические “ошибки” автора позволяют предположить, что Катунь наделяется неким сакральным содержанием и построение нового мира и нового человека возможно только в таком месте. <...> Катунь в рассказе становится точкой начала космогонического переустройства мира, создания нового строя через кровь и неискупимую жертву» [8. С. 19]. Открывающий рассказ хронотоп переправы, можно сказать, символически обобщает дальнейшие события, описанные в произведении. В рассказе К.Г. Паустовского «Правая рука» (1943) переезд на пароме через Катунь символизирует путь героя из подобия царства смерти (Белокуриха = Элизиум) в мир живых [8. С. 76–81]. В рассказе Л.И. Квина «Весна» (1957) тема освоения алтайской целины разрабатывается посредством соцреалистического канона [26. С. 11]. Транспортировка горячего через разлившуюся весной р. Белую связана с риском для жизни, но чрезвычайно необходима для начала пахоты. Прощтрафившийся авторизованный персонаж героическим поступком искупает невольную вину (Т. 4. С. 392). В исторической повести М.И. Юдалевича «Голубая дама» (1981) героиня под видом крестьянки переплывает на лодочке через Обь на берег, где свирепствует холера (Т. 5. С. 302), чем совершает выбор между статусным мужем-генералом и ссыльным петербургским чиновником-лекарем в пользу последнего. Разнообразные семиотические функции переправы и моста в творчестве В.М. Шукшина рассмотрены А.И. Куляпиным [27. С. 102–107].

В романе С.П. Залыгина «Тропы Алтая» (1962) сложная, лишь со второй попытки преодоленная переправа через безымянную реку (Т. 4. С. 290–295) знаменует для Андрея Рязанцева взросление и профессиональный рост, предваряет открытие буроземов, что позволит ему стать «на равных» с отцом, известным ученым (Т. 4. С. 288): «Было похоже на то, как он переплывал реку: он тогда знал, как

должен дышать, как должен двигаться в воде, управлять гнедым и бороться с течением; и теперь совершенно точно ему было известно, что он должен делать каждый час, каждую минуту» (Т. 4. С. 312). В масштабе всего Алтая аналог переправы как участка реки – это река целиком. Катунь в мире романа, по наблюдению Е.А. Худенко, является границей между профанным миром «бестолковой повседневности», которая захватывает Обь, Барнаул, Бийск, Сростки, и «верхним» миром Горного Алтая, пространством инициации для героя [8. С. 19]. «Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась “оттуда” – оттуда, куда он так стремился, из его будущего, в котором он уже жил эти дни» (Т. 4. С. 31). Географическая устремленность реки вверх, к истокам, и движение против течения возвращают героя «к потерянному им первоначалу жизни» [8. С. 20].

По реке: путь, карта, родина

Метонимические замещения реки и переправы по принципу *pars pro toto*, и наоборот, основаны на общем для них признаке рубежности. Граница концентрирует вокруг себя сюжеты, связанные с осуществлением/невозможностью контакта, перемены. Поэтому не только пересечение реки, но и путь по реке сопровождается соответствующими событиями. Переправа однократна, тогда как река может аккумулировать ряд событий переходного характера. Например, в повести П.Г. Низового «В горах Алтая» (1925) сплав на лодке по бурной горной реке благодаря порогам оказывается растянутой и многократно повторенной переправой: «...глади было мало, перекаты, извивы, кипящие водовороты» (Т. 3. С. 259); «Пенные валуны заскрежетали, впиваясь холодными зубами в упругие доски» (Т. 3. С. 258); «...лодка с дрожью и стоном пронеслась у самой пасти белой, клокочущей смерти» (Т. 3. С. 259); «По бокам ныряло, взметывалось белое и холодное, окачивало с головы до ног, рвало одежду, пыталось выбросить их самих. За дно и бока лодки хватались невидимые остервенелые зубы, но, бесильные удержать, со скрежетом извергали проклятья. Сотни смертей неожиданно выпрыгивали из воды и с бешенством скалили каменные зубы. Лодка, извиваясь, словно дразня, пронеслась мимо раскрытых пастей» (Т. 3. С. 260).

Сплав завершает «робинзонаду» двух подростков их социализацией – они, как и хотели, попадают в лагерь красных партизан.

Гораздо более спокойная равнинная Обь, тем не менее, тоже дает возможность автору организовать авантюрный сюжет. В повести В.С. Сидорова «Тайна белого камня» (1959) путешествие трех подростков по реке следует канонам романа морского приключения. Ребята находят и расшифровывают карту, где главный ориентир – р. Обь, самостоятельно ремонтируют лодку и дают ей имя «Открыватель», в пути подвергаются нападению «пиратов» – пацанов из чужой деревни, борются с течью на борту, вкушают местные деликатесы – уху, попадают в бурю, терпят кораблекрушение, едва спасаются на полуострове с минимумом уцелевших вещей и продуктов, находят «клад» и раскрывают тайну. Географическое путешествие, по замечанию О.А. Скубач, приравнивается к путешествию вглубь истории, во времена Гражданской войны на Алтае, что способствует «взрослению ребят, лучшему пониманию ими себя и своих истоков (линия Миши Боркова, узнавшего судьбу собственного деда), а также более трезвому знанию настоящего (разоблачение предателя дяди Феди)» [26. С. 14].

Путешествие по реке связано с приобретением опыта, познанием нового: «Когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не угадаешь, какую еще панораму она откроет тебе...» (Т. 2. С. 299), – писал В.Я. Шишков в рассказе «На Бии» (1914). Согласно наблюдениям Е.А. Худенко, река Бия в этом рассказе «закольцовывает» почти сказочный сюжет поиска яблоневого сада участниками экспедиции по исследованию р. Бии [8. С. 13]. Успешное пешее путешествие завершается возвращением к реке с дарами – яблоками и медом.

С середины XIX в. плавание по Оби, реке равнинной, широкой и глубокой, стало возможным на пароходе, что не могло не отразиться в художественных произведениях. Путешественники получили возможность любоваться видами, которые, впрочем, не всех впечатляли: «Красивые берега реки Томи как-то весело смотрели после неприглядных, однообразных и скучных берегов широкой и многоводной Оби» (Т. 1. С. 249), – брюзжит наблюдатель И.А. Куцевский в очерке «Не столь отдаленные места Сибири» (1875). Гораздо более снисходителен к неброской красоте обского побережья П.Л. Драверт. В стихотворении «На Оби (Из дорожных эскизов)» (1911) развернутое опи-

сание неспешного плавания завершается традиционным романтическим контрастом: исполненная покоя, просторная и привольная природа противопоставлена городскому плену, болезни и тоске (Т. 2. С. 347–348).

Если горные реки впечатляют зрителя стремительным извилистым течением, порогами, кипением воды, то Обь – масштабами.

В очерке А.А. Черкасова «А. Брэм» (1887) известный путешественник «восхищался грандиозностью громадного разлива воды на широкой сибирской реке и пытливо окидывал взором эту массу вод, клубящуюся до пены, вертящуюся местами воронками, и все это, взятое вместе, плавно несущееся к далеким берегам холодного моря» (Т. 1. С. 425). В стихотворении «Обь-река» М.И. Юдалевича читаем: «Были со середины даже летом / трудно различимы берега» [17. С. 389]. В рассказе А.П. Соболева «Алтайский француз» (1980-е гг.) старик-эмигрант, навестивший родину, вспоминает: «Бию и то не признал в лицо. Обмелела, грязная стала, а река была державная. Как разольется, бывало, да как встренутся с Катунью-то – дак целое море!» (Т. 5. С. 44).

Не удивительно, что в мифологической картине мира алтайских народов слияние Бии и Катунь образует Мировую реку-море-океан, т.е. реальная Обь соотносится с космической рекой [3. С. 42, 153; 13. С. 83]. В горах реки текут с гор, поэтому в мифологии река связывает «верх» (будущее) и «низ» (прошлое) [13. С. 83]. Обь как Мировая река / Мировая ось занимает срединное положение [3. С. 42–43]. Интересным образом данная сакральная география переосмысливается в стихотворном цикле П.А. Казанского «Рождение Оби». Происхождение реки интерпретируется как нейтрализация нисходящей вертикали Катунь («поток <...> с высоты сошел») восходящей вертикалью Бии («из <...> глубин») в горизонтальный вектор движения Оби к «родным льдам» в северное море (Т. 2. С. 355–356).

В принципе, любая река структурирует не столько время, сколько, главным образом, пространство. Особенно наглядно эта функция реки представлена в картографии. В уже упомянутом рассказе В.С. Сидорова «Тайна белого камня» маршрут поиска «сокровищ» сориентирован по р. Обь. В романе С.П. Залыгина «Тропы Алтая» есть две карты: сакральная и реальная. Старик-алтаец чертит пальцем по остывающей золе, рассказывая о сотворении Алтая культурным героем:

«– Сартакпай палец вот так – борозда делал! <...> Борозда делал – Чулышман-река побежал... <...>

– Сартакпай левой рукой все равно правильно делал: вот как Башкаус-река побежал! <...> Сартакпай сына ждал – тоже сильный был... Ушел Катунь-реку делать. Три дня сына ждал. Три дня палец к земле прижимал. Когда поднял палец, там озеро уже. После русские пришли. “Телецкое” дали имя! По-нашему – Золотое озеро, Алынь-Коль. <...> Гляди! – показал на золу около костра – там были знакомые очертания, географической карты Алтая: Чулышман, Башкаус, Телецкое озеро, Бия. <...> Они (с сыном. – Т.Б.) после Бюреку, Катунь-реку вместе брали, один Обь делали. Далеко Обь-река – ей дорогу тоже делали... В море. Знал, как правильно делать Сартакпай» (Т. 4. С. 226).

Вопрос о том, как правильно делать мир, становится в научной проблематике романа вопросом о том, как правильно делать карту: «...какой же нынче должна быть география?»¹ (Т. 4. С. 340). В этой области лежит конфликт интересов старшего и младшего Рязанцевых. Сын хочет исправить неверную карту авторитетного ученого, на которую опирается его отец. Сакральная картография алтайцев, описательная география прошлых лет должны смениться современным научным взглядом, совмещающим мельчайшие подробности местности с междисциплинарной генерализацией. Возможность целостного системного обобщения символизирует панорама с высоты полета вертолета: «Алтай виден был далеко, без остроконечных скал, почти без троп и поселков – Алтай между Катунью, Телецким озером и его притоком, рекою Чулышман, а Рязанцеву казалось, будто он видит всю Сибирь, чувствует Азию...» (Т. 4. С. 342). Вид аналогичен нарисованной стариком схематической карте Горного Алтая, пространственные координаты определяются теми же гидрообъектами. Ученый – новый Сартыкпай, знающий, «как правильно».

Демиургические амбиции советской науки воспеваются в цикле «Кулундинские письма» (1979) А.М. Родионова. Создание Кулундинского канала иллюстрируется согласно типичной советской ри-

¹ Проблема картографического канона особо остро стояла в сталинскую эпоху [28], что можно считать очередным «идеологическим рудиментом» [26. С. 16] соцреализма в романе.

торике, где переустройство природы визуализировалось при помощи карты и схемы. Указка учителя идет по глобусу между Обью и Иртышом: «...там, где резал / Степь Кулундинский канал». Затем «[к]анал, отростки и ростки / Нарисовал он мелом белым / На влажной черноте доски» (Т. 5. С. 224). Легкость возникновения изображения коррелирует с податливостью рельефа, что мотивировано квазиестественным происхождением нового ложа реки: «...Жить зарождением русла, где воды, / В степи войдут, как явление природы, / И возликует степная душа» (Т. 5. С. 225). Человек сам направляет ток воды, а не следует за рекой, как было исстари.

Реки ориентируют человека в пространстве, путь вдоль реки соотносится с семантической оппозицией «верный — неверный»: «Я спускаюсь в ту сторону, где река. У меня нет компаса, и я определяю путь по шуму реки» (Т. 2. С. 261), — говорит герой рассказа С.И. Исакова «Там, в горных долинах» (1916). В повести П.Г. Низового «В горах Алтая» алтаец Перка объясняет другу, как они выберутся из тайги: «Видишь гора, тут ущелье идет низ. Тут речка. Все речка низ текут в большой река. Там долина, — люди в долина больше живут» (Т. 3. С. 227). Действительно, с древнейших времен реки направляли и упорядочивали расселение людей, обуславливали специфику приречного этноса [3]. Известно, что до середины XIX в. алтайские роды селились по речным долинам. До сих пор место проживания определяют по реке [3. С. 152–153]. Маршрут, по которому шло заселение русскими Сибири и Алтая, также маркирован реками. В рассказе В.М. Бахметьева «У последней воды» читаем: «Бежал его батюшка от страшной нищеты, от безземелья и барского гнета из Курского края на Енисей-реку <...> И вот усоветовал ему какой-то добрый человек на Обь податься, а всего краше к истокам этой реки, в горы. Так и поступил он, а по пути, на Бии-реке примкнули к нему целой артелью такие же, как он <...>. Этак вот, артелью, и приглядели они себе займище на речонке Топчуган. Совсем было расположились тут, да переманил их к Чарышу, на Черемуховый Ключ, тамошний поселенец Иван Шестаков» (Т. 2. С. 188).

Поиск Беловодья, стимулировавший миграционные процессы, определяется водными путями, что очевидно из названия «земного рая». Примечательно, что в рассказе В.Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925) мистическое озарение приходит герою в момент созерцания

водопада, задающего вертикальный вектор движения (см. подробнее [29. С. 133]). Намеченное направление, во-первых, прозрачно намекает на иллюзорность достижения искомой утопии в пределах земной реальности, а во-вторых, рифмуется с финальным прыжком героя в горную расщелину. Попасть в Беловодье если и возможно, то через смерть. Между тем в действительности может существовать раеподобный уголок. Так чувствует герой романа А.Е. Новоселова «Беловодье», будучи ребенком, т.е. это ощущение истинно: «Слышал, что ищут какие-то “белые воды”». Но кристальная вода родной реки не казалась ему черной...» (Т. 2. С. 85). На пути к иллюзорному Беловодью, в старости, он идиллически вспоминает свою деревню: «Угодье-то какое! Лесу, лесу! А воды! И бежит она с кручей, будто песни поет. Не замолчит ни днем, ни ночью. И цветов, и трав там всяких!» (Т. 2. С. 156). Впрочем, душевный порыв вернуться домой, в локус подлинной земной благодати, отвергается героем как искушение.

Связь детства и рая в культуре архетипична. Река маркирует время детства и локус малой родины у многих авторов, выходцев из сельской глубинки. В «алтайском тексте» В.М. Шукшина [27. С. 95–102], В.С. Золотухина [30. С. 16], Р.И. Рождественского [31], а также местных поэтов-шестидесятников Л.С. Мерззликина [32], Г.П. Панова, Н.М. Черкасова, В.М. Башунова [8. С. 14] центральное место занимает мотивный комплекс, обусловленный семантической связью понятий «родина – река – речь». Родина у поэтов Алтая часто ассоциируется с родником, источником жизни и творчества – «кастальским ключом» [31. С. 22]. Аналогия «шум реки = речь, пение, стихи» – одна из базовых констант культуры. Выше приводились примеры подобных отождествлений в «алтайских» произведениях В.Я. Шишкова, А.Е. Новоселова, Н.М. Рубцова.

Итак, изучение гидропозтики алтайского текста позволило выделить круг мотивов и образов, базирующихся как на реальных качествах исследуемого объекта, так и на культурной традиции, на архетипических основаниях. Образование одной из главных рек Сибири, Оби, путем слияния Катунь и Бии отражено в литературе через визуальный образ (цветовое различие двух рек в русле третьей) и антропоморфный образ (союз/конфликт мужчины и женщины, двух женщин). Аналогом рек Чуи и Катунь выступает Чуйский тракт. Белый

цвет горных рек отождествляется с молоком и сединой, рождая зооморфные и антропоморфные метафоры. Шум горных рек интерпретируется как крик зверя, плач и речь, в том числе художественная, человека. Течение воды ассоциируется с ходом времени. Бурное течение – со сложным историческим моментом. Неизменность течения – с вечностью. Особенно частотен хронотоп переправы, связанный с кризисным моментом в жизни человека и/или социума. Плавание по реке наделяется авантюрными, гносеологическими, эстетическими функциями. Реки позволяют дифференцировать пространство и ориентироваться в нем. Малые реки, как правило, связаны с концептами родины и детства. Отмеченная семантика по преимуществу носит универсальный характер. Территориальная прикреплённость данных смыслов возникает благодаря топонимическим маркерам.

Список источников

1. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
2. Абашиев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 140 с.
3. Реки и народы Сибири / отв. ред. Л.В. Павлинская. СПб. : Наука, 2007. 281 с.
4. Дмитриева Л.Д. Туристические концепты ‘Бия’, ‘Обь’, ‘Катунь’ в топонимической картине мира жителей Алтая // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (1). С. 79–87.
5. Бедарева И.А. Алтай как обетованная земля в романе С.П. Залыгина «Тропы Алтая» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 10–12.
6. Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) / П.В. Алексеев, К.Б. Самтакова, Т.П. Шастина и др.; под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. 150 с.
7. Худенко Е.А. Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика // Филология и человек. 2018. № 3. С. 103–117.
8. Литературная мифология Алтая / Е.А. Худенко, А.И. Куляпин, Т.А. Богумил, Н.И. Завгородняя; науч. ред. Е.А. Худенко. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 178 с.
9. Образ Алтая в русской литературе : антология : в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. Барнаул : ИД «Барнаул», 2012.
10. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
11. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1979. 397 с.

12. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 752 с.
13. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск : Наука, 1992. 176 с.
14. Краснаяртова Н.Г. Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока // Аналитика культурологи : электрон. науч. изд. 2008. Вып. 1(10). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html
15. Топоров В.Н. Река // Мифы народов мира : энциклопедический словарь : в 2 т. М. : Сов. энциклопедия, 1987. Т. 2. С. 374–376.
16. Осипов А.И. Алтайский текст в элегии Н. Рубцова середины 1960-х гг. («Шумит Катунь») // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул : АлтГУ, 2004. Вып. 2. С. 83–88.
17. Антология алтайской поэзии. Барнаул : Алтайский полиграф. комбинат, 2000. Ч. 1. 416 с.
18. Шукишин В.М. Собрание сочинений : в 9 т. Барнаул : Барнаул, 2014.
19. Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопозэтика В.М. Шукшина. Барнаул : АлтГПУ, 2017. 176 с.
20. О могущественном хане Алтае, его дочери красавице-Катунь и ее возлюбленном богатыре Бие // Бийск. 1993. № 1. С. 18–20.
21. Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1881. 27 с.
22. Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1962. 435 с.
23. Жильцов Ю.И. Свидание с памятью: стихи на родную тему. М. : МГО СП России, 2007. 247 с.
24. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.
25. Свинцов В.Б. Избранное : повести, рассказы. Барнаул : Алтайский полиграф. комбинат, 2000. 416 с.
26. Скубач О.А. Два лика Алтай в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе : антология: в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. Т. 4: 1950–1960 гг. С. 5–24.
27. Куляпин А.И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина. Барнаул : АлтГПУ, 2016. 160 с.
28. Орлова Г.А. Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 2. С. 85–101.
29. Богумил Т.А. Алтай в биографии и творчестве В.Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140.
30. Марьин Д.В. Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX в. : антология: в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. Т. 5: 1970–1980 гг. С. 5–18.
31. Козлова С.М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул : АлтГУ, 2002. Вып. 1. С. 14–24.

32. Бозумил Т.А. Крест как принцип моделирования поэтического мира Л. Мерзликаина // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : АлтГПУ, 2013. С. 246–254.

References

1. Mednis, N.E. (2003) *Sverkh teksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. [Online] Available from: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
2. Abashev, V.V. (2012) *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki: ucheb. posobie* [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics: textbook]. Perm: Perm State University.
3. Pavlinskaya, L.V. (ed.) (2007) *Reki i narody Sibiri* [Rivers and peoples of Siberia]. St. Petersburg: Nauka.
4. Dmitrieva, L.D. (2012) Turisticheskie kontsepty ‘Biya’, ‘Ob’’, ‘Katun’ v toponimicheskoy kartine mira zhitel'ey Altaya [Tourist concepts ‘Biya’, ‘Ob’, ‘Katun’ in the toponymic picture of the world of Altai inhabitants]. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. 1 (1). pp. 79–87.
5. Bedareva, I.A. (2017) Altai as the Promised Land in S.P. Zalygin's Novel “Altai Paths”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12-1 (78). pp. 10–12. (In Russian).
6. Alekseev, P.V. (ed.) (2016) *Natsional'naya identichnost' v zerkale toponimii (Gornyy Altay)* [National identity in the mirror of toponymy (Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
7. Khudenko, E.A. (2018) Rivers of Altai in the Russian Literature of the XX–XXI Centuries: Mythopoetics and Symbolism. *Filologiya i chelovek – Philology & Human*. 3. pp. 103–117. (In Russian).
8. Khudenko, E.A. (ed.) (2019) *Literaturnaya mifologiya Altaya* [Literary mythology of Altai]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
9. Kulyapin, A.I. (ed.) (2012) *Obraz Altaya v russkoy literature: antologiya: v 5 t.* [The image of Altai in Russian literature: an anthology: in 5 volumes]. Barnaul: ID “Barnaul”.
10. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from the Uralic, Altai, and Paleoasian languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
11. Molchanova, O.T. (1979) *Toponimicheskiy slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic Dictionary of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo.
12. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary pages]. Moscow: Nauka.
13. Sagalaev, A.M. (1992) *Altay v zerkale mifa* [Altai in the mirror of myth]. Novosibirsk: Nauka.

14. Krasnoyarova, N.G. (2008) Priroda kak kontsept kul'tury: opyt kul'turfilosofskogo ocherka reki, vody, potoka [Nature as a concept of culture: an experience of a cultural-philosophical essay on river, water, stream]. *Analitika kul'turologi*. 1(10). [Online] Available from: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html
15. Toporov, V.N. (1987) Reka [River]. In: Toporov, V.N. (ed.) *Mify narodov mira: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: an encyclopedic dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 374–376.
16. Osipov, A.I. (2004) Altayskiy tekst v elegii N. Rubtsova serediny 1960-kh gg. ("Shumit Katun'") [Altai text in N. Rubtsov's elegy of the mid-1960s ("The Katun Is Roaring")]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai text in Russian culture]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 83–88.
17. Kazakov, V.L. (ed.) (2000) *Antologiya altayskoy poezii* [An anthology of Altai poetry]. Vol. 1. Barnaul: Altayskiy poligraf. kombinat.
18. Shukshin, V.M. (2014) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Barnaul: Barnaul.
19. Bogumil, T.A., Kulyapin, A.I. & Khudenko, E.A. (2017) *Geopoetika V.M. Shukshina* [Geopoetics of V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
20. Biysk. (1993) O mogushchestvennom khane Altae, ego docheri krasavitse-Katuni i ee vozlyublennom bogatyre Bie [On the powerful Khan Altai; his daughter, the beautiful Katun; and her beloved bogatyr Bie]. 1. pp. 18–20.
21. Yadrintsev, N.M. (1881) *Ob altaytsakh i chernevykh tatarakh* [On Altaians and Black Tatars]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Ko.
22. Zhirmunskiy, V.M. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epos: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epic: Comparative historical essays]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestv. lit.
23. Zhil'tsov, Yu.I. (2007) *Svidanie s pamyat'yu: stikhi na rodnuyu temu* [A date with memory: poems on the native theme]. Moscow: MGO SP Rossii.
24. Epshteyn, M.N. (1990) "Priroda, mir, taynik vselenoy...": *Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* ["Nature, the world, the secret of the universe ...": The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vyssh. shk.
25. Svintsov, V.B. (2000) *Izbrannoe: povesti, rasskazy* [Selected works: novels, stories]. Barnaul: Altayskiy poligraf. kombinat.
26. Skubach, O.A. (2012) Dva lika Altaya v literature 1950–1960-kh gg. [Two Faces of Altai in the Literature of the 1950s–1960s]. In: Kulyapin, A.I. (ed.) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX – nachala XX vv.: antologiya: v 5 t.* [The image of Altai in Russian literature of the 19th – early 20th centuries: an anthology: in 5 vols]. Vol. 4. Barnaul: ID "Barnaul". pp. 5–24.
27. Kulyapin, A.I. (2016) *Semiotika khudozhestvennogo prostranstva V.M. Shukshina* [Semiotics of V.M. Shukshin's artistic space]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.

28. Orlova, G.A. (2008) Sovetskaya kartografiya v stalinskuyu epokhu: detskaya versiya [Soviet cartography in the Stalin era: a children's version]. *Neprikosnovennyi zapis. Debaty o politike i kul'ture*. 2. pp. 85–101.

29. Bogumil, T.A. (2020) Altai in the Biography and Literary Works of Vyacheslav Shishkov (Scarlet Snowdrifts). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 13. pp. 128–140. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/13/8

30. Mar'in, D.V. (2012) Altay v literature 1970–1980-kh gg. [Altai in the Literature of the 1970s–1980s]. In: Kulyapin, A.I. (ed.) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX – nachala XX vv.: antologiya: v 5 t.* [The image of Altai in Russian literature of the 19th – early 20th centuries: an anthology: in 5 vols]. Vol. 5. Barnaul: ID “Barnaul”. pp. 5–18.

31. Kozlova, S.M. (2002) Altayskiy tekst v russkoy poezii [The Altai text in Russian poetry]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai text in Russian culture]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 14–24.

32. Bogumil, T.A. (2013) [Cross as a principle of modeling the poetic world of L. Merzlikin]. *Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii* [Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration]. Proceedings of the International Conference. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 246–254. (In Russian).

Информация об авторе:

Богумил Т.А. – кандидат филол. наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: tbogumil@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Bogumil, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tbogumil@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.03.2022.

The article was accepted for publication 02.03.2022.